

Олег Константинович Кошмило

Тольяттинская академия управления, кандидат философских наук,
доцент кафедры связей с общественностью, Тольятти, Россия
e-mail: koschmilo@mail.ru

Искупительность метафоры и евхаристичность метонимии в поэтике ритуальной сцены

Аннотация. Философское осмысление культурного опыта человечества непрерывно обращается к различным архаичным феноменам. Несмотря на кумулятивный прогресс линии рационализации отношений человека и мира, ритуальность удерживает значение циклически воспроизводимой экзистенциальной сцены. В силу функциональной определенности ритуала как первоисточника семантизации и символизации предстает истоком культуры. В связи с этим особое значение имеет теоретическое обращение к поэтическому измерению ритуала, которое характеризуется наличием контрастных и в то же время дополняющих друг друга доминант метафоризации как конденсации сакрального значения и метонимизации как активации значения в жертвенном символе.

Ключевые слова: поэтика, ритуал, сакральное значение, жертвенный символ, метафора, метонимия, субъект, предикат, завязка, развязка.

Oleg K. Koshmilo

Tolyatti Academy of Management, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Public Relations, Tolyatti, Russia
e-mail: koschmilo@mail.ru

Expiation of Metaphor and Eucharistic Nature of Metonymy in the Poetics of the Ritual Scene

Abstract. Philosophical understanding of the cultural experience of mankind continuously turns to various archaic phenomena. Despite the cumulative progress of the line of rationalisation of relations between man and the world, rituality retains the significance of a cyclically reproduced existential scene. Due to its functional certainty, ritual as the primary source of semantisation and symbolisation appears to be the source of culture. In this regard, of particular importance is the theoretical appeal to the poetic dimension of ritual, which is characterised by the presence of contrasting and at the same time complementary dominants of metaphorisation as the condensation of sacred meaning and metonymisation as the objectification of meaning in a sacrificial symbol.

Keywords: poetics, ritual, sacred meaning, sacrificial symbol, metaphor, metonymy, subject, predicate, outset, denouement.

Введение (Introduction)

Начавший набирать обороты со второй трети XIX в. интерес гуманитарных наук к архаическим феноменам контекстно был обусловлен экзистенциальным кризисом рациональной дискурсивности эпохи модерна. Триумфальное продвижение субъекта западной рациональности, осуществляясь под эгидой инициированного в Древней Греции логического субстанциализма, достигло максимума в панлогизме гегелевской системы и натолкнулось на ряд непроницаемых для «естественного света» разума зон человеческой экзистенции. Основанный на законе исключенного третьего субъектно-предикатный фрейм логической формализации мира оказался слишком узким

для гуманитарного знания, которое однажды изнутри себя в рамках кардинальной ревизии прежней методологии выдвинуло императив «включения третьего». Именно реализация этого поэтического императива породила необъятный горизонт современного гуманитарного знания в аспектах языкознания, поэтики, мифологии, истории религий, этнографии и др. Важно, что общей задачей гуманитарного знания стало преодоление спекулятивного конфликта логической сознательности и поэтической «бессознательности» в направлении их гармонизации [1]. Ключевым аспектом преодоления конфронтации «лого-са» и «мифа» оказалось эстетическое измерение культурных феноменов, на уровне композиции сочетающих

ось логически закономерного контраста человеческого субъекта и мирового предиката и поле их поэтического примирения.

Методы (Methods)

Обращение к феномену, который находится в предельном историческом отдалении и имеет по этой причине размытые границы, основывается на применении комплексного органа. Совмещая подходы исторической поэтики, структурализма, фундаментальной онтологии, Dasein-аналитики, такой метод в итоге предстает как структурально-позтологический анализ с сильным онтологическим акцентом. Как предполагается, в его эвристических возможностях происходит демонстрация ритуального действия как поэтико-драматургического феномена, основанного на гармонизации метафорического и метонимического полюсов. И если первый образует завязочный полупериод архаичной литургии в виде искупительной конденсации сакрального значения, то второй регулирует полупериод развязки ритуала в ходе объективации этого значения в жертвенном символе.

Литературный обзор (Literature Review)

Несмотря на широчайшую представленность феномена ритуала в гуманитарных науках, исследование основывается на тех концепциях, которые в рамках специализированных подходов сосредоточены на экспликации лексической, синтаксической и семантической составляющих ритуала в аспекте обнаружения структурного ядра гармонизации тех полюсов, примирение которых является итогом священного действия. Благодаря таким теоретикам, как А. Н. Веселовский, Ж. Дюмезиль, Э. Дюркгейм, К. Кереньи, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Е. М. Мелетинский, М. Мосс, В. Н. Топоров, М. Элиаде, Р. О. Якобсон, открывается масштабная и детальная картина того, что представлял собой пребывающий в сердцевине архаичного мира ритуал.

Социолог и социальный историк Э. Дюркгейм в работе «Элементарные формы религиозной жизни» выдвигает гипотезу о том, что сердцевиной функционирования первобытного сообщества было исповедание имени того или иного тотема, ритуальное причащение к которому обеспечивало социальную солидарность клана [2, с. 183]. То, что горизонт политической и социальной жизни архаического мира был центрирован культивированием божественных имен с кульминацией в их ритуальном именовании, демонстрирует мифолог Ж. Дюмезиль [3]. М. Мосс, анализируя сцену жертвоприношения, указывает на то, что ее силовое поле образовано разностью двух сторон — стороны, «ради которой приносится жертва», и стороны, «желающей оказать воздействие и вызывающей его» [4, с. 17].

Философ и этнограф Л. Леви-Брюль, рассматривая феномены деятельности первобытного человека, категорично противопоставляет нормативную рациональность, основанную на полярности «тождественной» субъектности и «противоречивой» объектности, специфике «первобытного мышления», в основе которого лежит «пра-логический» закон сопричастности (партиципации). Содержанием описанной Леви-Брюлем регулярности является «благодатная» включенность человеческого присутствия в окружа-

ющий мир, игнорирующая логический закон исключенного третьего [5, с. 85–117]. Историк религии М. Элиаде, приводя богатое собрание описаний архаичных ритуалов, интегрирует их мотивации вокруг «цели восстановления *изначальной целостности*» [6, с. 37–41].

Историк античной культуры К. Кереньи в книге, посвященной элевсинским мистериям, подробно разбирая священную динамику конкретного ритуала, выявляет наличие в нем сюжета, противоположного драматургии трагедии. Так, в трагедии ужас и страдание трагического героя, составляя развязку драмы, совершаются в финале, эмпатично индуцируя в зрителе катарсис [7]. Но в сюжетной динамике мистерии, по Кереньи, сопровождаемое страданием искупительное очищение («катармос») совершается накануне, кульминационно переключая полупериод эмоционально-минорной завязки в полупериод радостной развязки с финалом в «свершившемся видении» («эпопте») [8, с. 130–131].

Сюжетная универсальность ритуала, образуемого завязочным полупериодом трагедийно-страдательного искупления и развязочным полупериодом радостного, «комедийного» причащения, согласуется с общими выводами А. Н. Веселовского. В рамках описания генезиса жанров искусств и, в частности, литературных родов эпоса, лирики и драмы он показывает, что их «синкретичным» истоком является сцена ритуального жертвоприношения [9, с. 278–283]. Мотивируемый целью гармонизации мира ритуал конкретизируется в поэтическом измерении. Осуществляемое в ритуале переживание гармонии мира выражается в балансировке метафорического и метонимического полюсов, которая является ключевой темой персональных и совместных исследований Р. Якобсона и К. Леви-Стросса [10; 11]. В исследовании ритуальных практик В. Н. Топоров приходит к выводу, что их семантическим существом является невыразимость, характеризующаяся свойством «непрерывности» [12, с. 40]. Именно эта непрерывность, как указывает Е. М. Мелетинский, есть то «третье», что по соответствующему закону логики исключается научной рациональностью [13, с. 187].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Ритуальное событие, запрашиваемое экзистенциальным разрывом между человеком и миром, осуществляет в итоге чудесное включение священной непрерывности имени, сияющей целостностью восстановленной гармонии [14]. То есть сцена ритуала образуется хиазмом двух ключевых осей — вертикали рационально-профанного перевеса человеческого субъектом мирового предиката и горизонтали их священного поэтического равновесия. Статичная координация сцены ритуала задает динамику его сюжета, который завязывается мотивом преодоления разрыва в ходе его *искупления*.

Выражаясь в приготовлении жертвы, семантическим существом завязывающего ритуал искупления становится сопровождаемая страданием мучительного напряжения конденсация сакрального значения. Поэтически искупление представляет собой метафоризацию того, что в профанной перспективе предстает как «мертвый» предикат [15].

Ритуальный алтарь — место рождения метафоры как искупительного надления неодушевленной вещи одушевленностью, оживления мертвого. Искупительное существо метафоризации проявляется в том, что, по словам Гегеля, задача метафоры «...в том, чтобы наглядно перенести явления, деятельность, состояния, принадлежащие высшей сфере, на содержание низших областей и воплотить эти значения низшего рода в форме и образе высших значений. Органическое, например, само по себе обладает большей ценностью, чем неорганическое, и речь делается более выразительной, когда мертвая природа изображается явлениями, характеризующими жизнь. <...> Еще большая выразительность достигается тогда, когда *природное* и чувственное облекается в образную форму *духовных* явлений и благодаря этому возвышается и облагораживается» [16, с. 114]. То есть поэтичность, находясь под интенсивным напряжением разницы «живого» субъекта и «мертвого» предиката, мотивируется миссией ее чудесного, магического упразднения. Преодоление экзистенциальной дихотомии сбывается, когда в ходе метафоризации вещественный предикат «воскресает» и оказывается главной действующей силой, а в ходе метонимизации человеческий субъект, смещаясь на периферию и утрачивая смертоносную субъектность, празднует причащение к одушевляемой ритуалом реальности.

Зенит искупления приходится на глоссолалию жреца, который, страстно озвучивая имя благодаримого и прославляемого бога, преобразует возлежащие на алтаре кусок мяса, хлеб и вино в жертвуемое тело божества. Кульминация преобразования вещи в жертвенный символ по способу метафоризации переключает искупительную завязку в завязку причащения. В поэтическом измерении причащение осуществляет метонимизацию человеческого субъекта как конкретного участника жертвенной трапезы. Благодарно вкушая жертву, символизирующую тело божества, участники ритуала разом упраздняют напряжение разрыва и между богами и людьми, и между самими смертными. Причащение сакральной жертве, находящейся в композиционном центре ритуальной сцены, включает сотрапезников в круг восторженно переживающей солидарность общины, в целом символизирующей тело воскрешаемого бога [17, с. 327]. Тем самым ритуальный алтарь является и местом рождения метонимии как поэтической ипостаси благодарного причащения.

Экзистенциальная драматургия языческого священнодействия аналогична литургии христианской Евхаристии, которая сюжетно включает завязку искупления и завязку причащения. Христианин на этапе подготовки к таинству, постясь, воздерживаясь от скоромного, вычитывая накануне вечернее и утреннее правила, а еще весьма объемное Последование ко Святому Причащению, пребывает в фазе сопровождаемого страданием искупления. Его пределом оказывается покаяние (μετανοια — «перемена ума»), имеющее значение символического умирания под покровом епитрахили отпускающего грехи священника. Конденсация священного содержания Имени Бога кульминируется звучащими в алтаре молитвенными возгласами священника, пресуществляющими хлеб и вино в Плоть и Кровь Христа.

После этого страдание искупления переходит в радость причащения, которое представляет конкретную общину как церковное тело Христово. Литургический сюжет Евхаристии, в котором греховная вертикаль разрыва между человеческим произволом и Божьей волей переключается в благодатную горизонталь их примирения, непосредственно изображается крестным знаменем [18, р. 55].

Пределом искупительной метафоризации оказываются символическая смерть и воскрешение участника обряда, в полной мере реализованные в евангельских событиях. Христианство возводит бытийный смысл искупления на новый уровень, объединяя в образе Иисуса Христа пассивную жертву и деятельного жреца. Символизированное на Тайной вечере (ставшей образцом для таинства Причастия) в предложении «Крови и Плоти Нового завета» (Мк. 14:24) принесение Христом в жертву себя реально осуществляется на кресте и в гробнице-пещере. Преодолевая смертность — идентичность «ветхого Адама», Христос *замещает* ее воскресением в бессмертность — идентичность «нового Адама». Тем самым библейская поэтика священной истории мира задается напряжением между искупительной завязкой и «апокатастасисной» в смысле Оригена развязкой. В завязочном полупериоде происходит страдательно-минорная субституция греховного Адама безгрешным Христом с кульминацией в его воскресении. Оно переламывает ход библейского повествования в развязочный «божественно-комедийный» полупериод. Ключевой сценой этой части библейского сюжета становится представленная в Откровении Иоанна Богослова радостно-мажорная комбинация Бога и человечества, «брачная вечеря», свадьба небесного Жениха и земной Церкви (Откр. 19:7–9).

Необходимо добавить, что в поэтике христианского монотеизма священная неизреченность Имени Бога преодолевает чувственный характер изрекаемых имен языческих богов с их не знающей меры номенклатурной дифференциацией. Сверхчувственная «чувственность» Имени Бога с избытком перекрывает неизрекаемость человеческими устами своей сиятельности, являющей мир в истинном свете так, что, по словам молитвы «Отче наш», освещение мира не различается от его освящения. Но языческий политеизм и авраамический монотеизм едины в поэтическом порядке ритуального впускания именного начала мира в просвете между равновесными краями искупительной метафоры и евхаристической метонимии [19, с. 129; 20]. На эту равновесность в Евангелии от Иоанна указывает сам Христос, говоря: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24). Из первых уст христианский поэзис полагает мерой ритуального попущения Имени Бога особую взвесь. В ней искупительная метафоризация, жертвенно умаляя «пшеничное зерно» человеческого произвола, благодатно уравнивается метонимизацией, евхаристически знаменующей брачное сочетание человеческого и Божьего волений, чреватое «многим плодом». Поэтика христианского ритуала — это поэтика включения (в качестве «третьего») Имени Бога, которое раздается сквозь равновесие сакральной метафоры и жертвенной метонимии.

Заключение (Conclusion)

Общим итогом исследования стал вывод о том, что поэтическое прояснение ритуальных функций метафоризации как искупительной конденсации сакрального значения и метонимизации как евхаристической объективации в жертвенном символе показывает, что основой целостности эстетических феноменов, первенство среди которых принадлежит ритуалу, является поэтическая взвешенность метафорического и метонимического полюсов. Статичная координация оси профанного разрыва человеческого субъекта и мира как предиката и оси их священного примирения задает сюжет ритуала, в ходе которого вертикаль эмоционально-минорного искупления переходит в горизонталь эмоционально-мажорного причащения. Существом священнодействия является символизация имени бога в жертвенном объекте. В случае представленнос-

ти имени благодаримого божества в съедобном символе его вкушение объединяет участников ритуала в качестве частей воскрешаемого тела бога. Христианский ритуал Евхаристии, преодолевая чувственную конкретность языческого именованья богов в исповедании сакральной неизреченности Имени Бога, сохраняет сюжетную траекторию балансировки искупительной метафоризации вещественного, мирового предиката, пресуществляемого в Плоть и Кровь Христа, и евхаристической метонимизации человеческого субъекта, причащаемого в круг церковной общины — Тела Христова. Евхаристия предельно исполняет поэтичность попущения Имени Божьего, когда вертикаль его логического исключения как «третьего» переключается в горизонталь его поэтического включения в просвете между искупительной метафорой и евхаристической метонимией.

Библиографический список

1. Триль Ю. Н. Ритуал в традиционной культуре // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 27 (61). С. 263–268.
2. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М. : Изд. дом «Дело» Рос. акад. народ. хозяйства и гос. службы, 2018. 736 с.
3. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М. : Наука, 1986. 234 с.
4. Мосс М. Социальные функции священного. Избранные произведения. СПб. : Евразия, 2000. 448 с.
5. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / пер. с фр. Б. И. Шаревской. М. : Академический проект, 2020. 430 с.
6. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М. : Ладомир, 2000. 414 с.
7. Аристотель. Поэтика // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680.
8. Кереньи К. Элевсин: архетипический образ матери и дочери. М. : Рефл-бук, 2000. 288 с.
9. Веселовский А. Н. Избранное: историческая поэтика. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. 688 с.
10. Якобсон Р., Леви-Стросс К. Переписка 1942–1982. М. : Изд. дом «Дело» Рос. акад. народ. хозяйства и гос. службы, 2022. 424 с.
11. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры : сб. М. : Прогресс, 1990. С. 110–132.
12. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М. : Наука, 1988. С. 7–60.
13. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2021. 480 с.
14. Прилуцкий А. М. Влияние контекстных изменений на структуру религиозных ритуалов и значение их простейших элементов // Вестн. Нижегород. ун-та. Сер. : Филология. 2012. № 2 (26). С. 135–139.
15. Рикёр П. Живая метафора // Теория метафоры : сб. М. : Прогресс, 1990. С. 416–455.
16. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 т. М. : Искусство, 1969. Т. 2. 328 с.
17. Платон. Соч. : в 4 т. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та : Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3, ч. 1. 752 с.
18. Williams R. D. The Philosophical Structures of Palamism // Eastern Churches Review. 1977. Vol. 9, no. 1–2. P. 21–71.
19. Леви-Стросс К. Мифология: Человек голый. М. : Флюид, 2007. 784 с.
20. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры : сб. М. : Прогресс, 1990. С. 33–43.